

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

*Доц. прот. Валентин Асмус,
МДА*

ЭСХАТОЛОГИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Принципиально христианский характер эсхатологии Вл. Соловьева — в том, что конец этого мира в его представлении не есть действие Бога, абсолютно чуждого миру. Бытие мира — священная история, т.е. история напряженного взаимоотношения Бога и мира. Спасая Мир, Бог находит в нем и верных служителей, и грех, кто противится спасению мира своим бездействием и неведением, и прямых врагов. История имеет свою логику, и последнее, эсхатологическое вмешательство Вседержителя в бытие мира, упраздняющее этот мир и утверждающее «иное бытие вечное» (Пасхальный канон) происходит тогда, когда человечество исчерпало все свои возможности, и каждая личность дала Богу окончательный ответ на извечный Его спасительный призыв. Поэтому Соловьёвские представления о метаистории соотносятся с его пониманием истории и, не в последнюю очередь, с его попыткой оказать влияние на ход истории, выразившейся в его знаменитом «теократическом проекте».

Соловьёвский «проект» вырос на основе общих воззрений философа на теократию, основанных на Библии обоих Заветов и на истории христианства. Согласно этим воззрениям, предсуществовавшие в Ветхом Завете три служения — священническое, царское и пророческое — были в полноте осуществлены пришедшим на землю Сыном Божиим, а по завершении Его земного служения делегированы особым носителям этих служений. «Священник, царь и пророк, Он дал христианскому обществу его безусловную форму в троичной иерархии. Основывая Церковь на Своем священстве освящая государство Своей царской властью, Он позаботился также об их единстве и их согласном развитии, оставив миру свободное и живое действие Своего пророческого духа. И как священство и царская власть Богочеловека обнаруживают Его Божественную сущность через посредство человеческих органов, так и Его пророческое достоинство должно иметь подобное же проявление» [1]. «Проект» состоит в том, что в разъединенном христианском мире должны объединиться носители трех служений для воссоединения церковей и для осуществления в жизни христианского общества всей возможной на земле полноты раскрытия христианских начал. Высшие носители указанных служений — римский первосвященник, всероссийский император и свободный пророк. Относительно последнего следует разъяснить, что это — «третье главное служение, представляющее синтетическое единство двух первых, указующее церкви и государству совершенный соединенный идеал обожествленного человечества, как высшую цель их совместного действия» [2]. Ответим сразу же «теургическое» дерзновение Соловьева, ставящего перед земной «троичной монархией» цели поистине эсхатологические. Роль третьего лица монархической триады Соловьёв скромно и ненавязчиво оставляет за самим собой. Об этом говорит, в широком смысле, все содержание «России и Вселенской Церкви», в особенности же — заковыченное пророческое воззвание «к священникам, царям

и народам» на предпоследних страницах книги [3]. Но Соловьев не был бы истинным пророком, если бы он только возвещал теоретическую истину, не заботясь о ее практическом осуществлении. В сентябре-октябре 1886 г. он пишет своему другу хорватскому епископу Штроссмайеру замечательные письма, в которых побуждает его встретиться с императором Александром III и подвигнуть Государя к сближению с папой, т.е. к осуществлению Проекта, который начнет свое воплощение с соединения церковей. Штроссмайер узнает, что «Божественный Промысел, воля Вселенского Архиепископа и Ваши собственные заслуги сделали из Вас истинного посредника между Святым Престолом, в руках которого по божественному изволению находятся ключи будущих судеб мира, и славянской расой, которая по всей вероятности призвана к осуществлению этих судеб. Единение Церквей было бы в равной мере полезно для двух сторон. Рим принял бы благочестивый народ, полный религиозного энтузиазма, верного и могущественного защитника. Россия... могла бы исполнить свое великое вселенское призвание — объединить вокруг себя все славянские нации и создать новую цивилизацию поистине христианскую... Высокое положение, всегда принадлежавшее в Восточной Церкви и которое принадлежит теперь в России, власти Православного Императора, должно остаться нетронутым... В области церковной независимость Востока должна проявляться в форме соборной. Мы должны представлять в Церкви демократический элемент, народ Божий по преимуществу. Единый центр должен оставаться на Западе, а у нас — русских, славян, греков — периферия. В области же светской власти — наоборот, Западу по природе свойственны республиканство, партикуляризм и индивидуализм, а великий центр находится у нас, в лице единого самодержца христианского мира. И, по-моему, провиденциально то, что эти два центра, Церковь Петра (Апостола) и Империя Петра (Великого) расположены на двух противоположных концах христианского мира, потому что для них это единственный способ сосуществовать друг с другом. Западная Империя (германская) была слишком близка к Риму, и они никогда не могли друг друга выносить. Но Запад, централизованный в Папе, и Восток, централизованный в Царе, друг друга дополняют великолепно» [4].

Великолепная умственная конструкция Соловьева представляет синтез высокого уровня. И уже по этой причине она была и остается для всех неприемлемой. В нашем общественном сознании живет как бы несколько различных В.С. Соловьевых. Один — католик и «экуменист». Другой — своего рода славянский мессианист и русский монархист. Третий — либерал, друг евреев и противник смертной казни террористов. Представители различных партий изошряются в литературных упражнениях на тему «мой Соловьев». Но «теократический проект» вызывает неприязнь у всех. У православных — потому что во главе теократической триады Соловьев ставит папу. У католиков и либералов — потому что второе лицо триады ненавистный Российский автократор. А чтобы не пострадала тема «мой Соловьев», проект представляется мимолетным увлечением великого человека. Уничужают проект и ранний Булгаков [5], и автор фундаментального исследования о Соловьеве князь Е.Н. Трубецкой [6]. После опубликования в 1923 г. писем Соловьева Е.Тавернье стали ссылаться на одну фразу, якобы доказывающую отречение философа от теократических мечтаний: «Если несомненно, что истина будет окончательно принята только более или менее гонимым меньшинством, надо раз навсегда отказаться от идеи могущества и внешнего величия теократии, как прямой и немедленной цели христианской политики. Цель её — справедливость, слава же есть следствие, которое придет само собой» [7]. Непосредственный смысл этой фразы — отречение не от теократии, но от «идеи могущества и внешнего величия» её, и то лишь как от «прямой и немедленной цели христианской политики». То же письмо содержит страстный призыв объединения всех верующих вокруг папы... Но еще и потому приведенная цитата не может исчерпывающе свидетельствовать об эволюции воззрений Соловьева на теократию, что у него есть и другие о ней высказывания. На последних страницах «Оправдания добра» (2-е издание 1898, т.е. за 2 года до смерти автора) он излагает уже известные нам мысли о теократической триаде [8]. Для князя Е.Трубецкого это «бесцветные и вымученные страницы». А.А. Лосев решительно не согласен с этим и считает, что Соловьев разочаровался не в теократии как таковой, но

лишь в «возможности немедленного и самого глубокого осуществления теократического идеала» [9]. В 1897 Соловьев печатает существенную для нашей темы рецензию на книгу князя Е.Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке» (Киев 1897) — XI век, в отличие от XIX-го, был веком достаточно полно осуществленной теократии. Сочувственно передавая анализ Трубецкого, в свою очередь сделанный под несомненным влиянием мыслей самого Соловьева о теократии, он пишет: «Светской власти в нашем теперешнем смысле в средние века вообще не было. Власть церковная и власть государственная одинаково имеют священный характер и вместе с тем у обеих духовная сторона неразрывно связана с материальной». Далее Соловьев цитирует Трубецкого: «Обеим партиям чуждо понимание государства, его самостоятельных задач и целей. Обе видят в нем лишь проявление, часть церкви. Империалисты так же далеки от мысли о секуляризации государства, как и их противники — клерикалы; различие между ними заключается лишь в том, что одни видят в царе власть над церковью, другие видят в нем подчиненное должностное лицо в церкви... В Германии и в Италии в занимающую нас эпоху, король и император может править своим царством лишь в качестве венчанного святителя — главы иерархии. «Здесь было — продолжает Соловьев — противоположение не между церковью и государством, или между духовною властью и светскою, а между двумя высшими духовно-светскими властями в самой церкви». [10]

Несомненно, Соловьеву пришлось пережить тяжкие разочарования. Папа Лев XIII порадовался, что Соловьев «скоро войдет во двор овчий» [11], что уже совсем не отвечало тогдашним (1886 г.) глобальным мечтам Соловьева о приведении в послушание римскому папству всей Православной Церкви. К теократическому проекту папа интереса не проявил. Разочаровывали и русские императоры. Отношения с Александром III были безнадежно испорчены самим Соловьевым, публично призвавшим царя помиловать убийц Александра II. Именно поэтому Соловьев и не пытается излагать царю великий проект, предоставляя эту миссию Штроссмайеру. В 1896 или 1897 гг. Соловьев обращается с письмом к новому императору Николаю II. Но в этом письме о теократическом проекте прямо не говорится. Соловьев призывает Государя отказаться от мер принуждения в делах веры. Но прежде всего он говорит о высоком значении самодержавия: «Заявленная Вашим Величеством решимость сохранить во всей силе начало самодержавия была верно понята и радостно встречена людьми, свободными от политических страстей и предубеждений. Ясно было, что самодержавие дорого его новому обладателю не из любви к безграничной власти, а из любви к России и из послушания Высшей воле, — что оно дорого и священо Вам, Государь, как завещанное веками орудие Божия Промысла для блага народов. Россия знает, чем она обязана своему историческому единокровию... Мы уверены, наконец, что если бы Родитель Вашего Величества в первые тяжелые годы своего царствования поступился полнотою своей власти, Россия была бы ввергнута в смуту внутреннюю и вовлечена в опасные внешние приключения, и русский царь не мог бы явиться перед всем светом в образе могучего миротворца. То, чем было для нас самодержавие в далеком и близком прошлом, ручается за будущность России... Не оружием должны мы объединить мир, а духом и истиной» [12]. Царь не откликнулся на призыв пророка; в целом политика Николая II не удовлетворяла Соловьева. Очень не понравилась ему «Гагская» мирная инициатива императора. За пять месяцев до смерти Соловьев отвечает А.Н.Шмидт, которая считала, что софиологические идеи Соловьева и её самой должны быть рассмотрены... Вселенским Собором: «В настоящее время вопрос о его созвании никак не может иметь практического значения, по той причине, что созывать некому: папская власть признается одними католиками, а имперская разделена между четырьмя независимыми государствами: Россией, Германией, Австрией и Британией» [13]. Соловьев вынужден констатировать утопичность своего теократического проекта. «Экуменический» оптимизм, с которым Соловьев полностью отрицал вероучительные различия между православием и католичеством [14], не мог отменить результатов реального разделения христианского человечества. Названный Соловьевым империи — не только идеологические преемницы единой христианской империи эпохи семи Вселенских Соборов но и наглядный результат конфессионального

разделения христианства на православие, католичество, «евангелизм» и англиканство. В том же 1900 г. сильнейший энтузиазм Соловьева вызвала энергичная акция в Китае евангелического императора Вильгельма II, к которому он примерно за месяц до смерти обратил свое предпоследнее стихотворение:

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста.
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.
...перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно.[15]

Вечерние отблески теократических мечтаний можно обнаружить и в «Трёх разговорах». Не имея возможности анализировать «Разговоры» детально, сосредоточусь на «Повести об антихристе». С одной стороны, здесь изображается взлет и окончательное падение ложной теократии, власти антихристовой, которая пытается облечься в формы традиционной теократии. Важно отметить, что антихрист в изображении Соловьева — не только лжеимператор, но и, еще прежде того, лжепророк. Мало того, мысли «великого спиритуалиста, аскета и филантропа» — явственная автопародия: «Это... что-то всеобъемлющее и примиряющее все противоречия. Здесь соединятся благородная почтительность к древним преданиям и символам с широким и смелым радикализмом общественно-политических требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием всего мистического, безусловный и индивидуализм с горячей преданностью общему благу, самый возвышенный идеализм руководящих начал с полной определенностью и жизненностью практических решений. И все это будет соединено и связано с таким гениальным художеством, что всякому одностороннему мыслителю или деятелю легко будет видеть и принять целое лишь под своим частным наличным углом зрения... Никто не будет возражать на эту книгу, она покажется каждому откровением всецелой правды. Всему прошедшему будет воздана в ней такая полная справедливость, все текущее оценено так беспристрастно и всесторонне, и лучшее будущее так наглядно и осязательно придвинуто к настоящему, что всякий скажет «...вот идеал, который не есть утопия...» И чудный писатель не только увлечет всех, но он будет всякому приятен...» [16]. Инфернальной двойце лжепророка — лжецаря и лжепапы противостоит триада, в которой угадываются приматы знакомой нам теократической триады. На первом месте, как следовало ожидать, стоит папа Петр II. На втором месте — старец Иоанн, лицо без определенного иерархического положения (официально числился епископом «на покое») [17], о котором, однако, делается сообщение: «Некоторые уверяли, что это воскрес Феодор Кузьмич, то есть император Александр Первый... Другие шли дальше и утверждали, что это настоящий старец Иоанн, т.е. апостол Иоанн Богослов, никогда не умиравший и открыто явившийся в последние времена». [18] Личность старца Иоанна, таким образом, сближается не только с апостолом, но и с легендарным царем-священником, главой великого христианского государства в Средней Азии [19] и с Александром Богословенным. С третьим лицом триады все достаточно ясно: «ученейший немецкий теолог» типологически гораздо ближе к известному нам Соловьевскому образу «пророка», чем папа и царь-епископ. Сказанное нами, разумеется, не есть отрицание того, что Соловьев изобразил в данной триаде своего рода «реинкарнации» апостолов Петра, Иоанна и Павла. Для нашей же темы важно, что теократическая триада обретает свой корень еще и в этих трех апостолах.

Не обходится молчанием и Россия. Несмотря на то, что в последние времена повсюду торжествует масонство, Европа превращается в европейские соединенные штаты, а затем образуется и всемирная лжеимперия [20], Россия, даже и будучи в нее включенной, сохраняет какую-то свою автономию. Папство, изгнанное отовсюду, находит приют в Петербурге (как некогда, при Екатерине Великой нашли в России приют изгнанные отовсюду иезуиты) «под условием воздерживаться от пропаганды здесь и внутри страны»

[21]. Таким образом в век торжества либерализма в России сохраняются религиозные стеснения неправославных. История папства теперь сопряжена с Россией. Будущей папа Петр II выделяется успешной борьбой с сектантством и становится «архиепископом Могилевским», каковой титул до революции имели первоиерархи католической церкви в Российской Империи.

Таким образом сквозь эсхатологическую триаду просвечивает старая Соловьевская триада теократическая.

В своем окончательном виде, очищенная от утопизма, построенного на экуменическом оптимизме (в «Повести об антихристе» церковное воссоединение происходит за гранью истории, в эсхатологической метаистории, в виду Христа, «сходящего... в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распростертых руках» [22]), Соловьевская теократическая схема приобретала гораздо более приемлемый, чем раньше, виде. По крайней мере, православные одобряли эволюцию взглядов философа. ««Три разговора» и «Повесть об антихристе» примирили с Соловьевыми православную церковь. Даже его упорный гонитель Победоносцев был в восторге». [23].

Что же остается для нас положительно ценного в Соловьевском учении о трехчастной теократии, критика коего была особенно беспощадной. Еще при жизни Соловьева иеромонах Тарасий, ученик будущего митрополита Антония Храповицкого, не называя прямо имени философа, нанес удар под самый корень его теократической доктрины, объявив учение о трех служениях Христа поздним западным измышлением, совершенно чуждым патристике [24]. Иеромонах Тарасий неправ: можно говорить скорее о малой распространенности этого учения в древности. Трембелас, автор известнейшей греческой «Догматики», цитирует высказывания о трех служениях Христа у Евсевия Кесарийского, святителя Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста и блаженного Августина [25]. В поздней Византии (нач. XIV века) Никифор Каллист Ксанфопул, автор монументальной, занимающей почти три тома Патрологии Миня Церковной истории, говорит совершенно ясно, что ветхозаветные священники, цари и пророки назывались христами, поскольку они прообразовывали служение Господа Иисуса [26]. Но более всего тройственное служение Богочеловека явствует из самого Писания, а критика иеромонаха Тарасия особенно обнаруживает свою несостоятельность, когда он выискивает такие альтернативные именованья служения Христа как хлеб, камень, первосвященник, жертва, виноградная лоза, наставник, учитель, пастырь [27]. Нам представляется бесспорным библейский характер учения о трех служениях, также как бесспорен авторитет включающего в себя это учение Православного Исповедания митрополита Петра Могилы, принятого в 1643 году патриархами Цареградским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, к коим затем присоединился и Всероссийский. Бесспорно и то, что Христос — не только высший носитель трех служений, прообразовательно представленных в Ветхом Завете, но и вечный Глава Церкви, делегирующий Свои служения служителям земной Церкви. В лучшую, но и самую продолжительную эпоху церковной истории — от Константина Великого до Николая II эти служения были представлены царями (в византийских документах цари обычно стоят на первом месте, перед патриархами) [28], священниками (в древности так называли епископов, включая патриархов) и монашеством (а не одинокими «общественными деятелями», в которых, начиная с себя самого, Соловьев хотел видеть пророков новозаветной Церкви). Соловьевская схема, сложившаяся у философа под влиянием внимательного изучения Деяний Вселенских и иных древних Соборов, помогает понимать события минувших веков, когда существовали в Церкви все три служения, гармонически сослужа или же драматически сталкиваясь.

Как средство же «преобразования действительности» соловьевские мечтания были непригодны — как в силу указанной уже нами разделенности христианского мира, так и в

силу всеобщего кризиса церковности и монархизма. С нашим веком Соловьева сближает не исторический оптимизм времени его увлечения теократическим проектом, но, напротив, пессимизм и эсхатологизм «Повести об антихристе».

Примечания:

1. Россия и Вселенская Церковь. (Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т II, Брюссель, 1969, с 340).
2. Там же
3. Там же. С. 340-344
4. Собр. соч. В.С. Соловьева т. II. С. 380-387
5. С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. СПб., 1904. С. 254
6. Кн. Е.Н. Трубецкой. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. Т 1-2. См. в особенности т.2 гл.1
7. Вл. Соловьев. Письма. Петербург 1923. С. 221
8. Собр. соч. В.С. Соловьева. Т. 8. Репринт. Брюссель. 1966. С. 508-510
9. А.Ф. Лосев. Владимир Соловьев и его время. М. 1990. С432-434
10. Собр. соч. В.С. Соловьева. Т 12. Брюссель. 1970. С 352
11. С.М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель. 1977. С. 256
12. Собр. соч. В.С. Соловьева Т II. 452-453
13. Вл. Соловьев. Письма. Пб. 1923. С. 9
14. Собр. соч. Т II. С. 385
15. Вл. Соловьев. Стихотворения. М. 1921. С. 187. Брюссельские издатели почему-то сняли подзаголовок – посвящение «Зигфриду»: Собр. соч. Т. 12. С. 97
16. Собр. соч. В.С. Соловьева. Т. 10. Репринт. Брюссель. 1966. С. 201-202.
17. Там же. С. 208
18. Там же.
19. Об этом «пресвитере», т.е. старце Иоанне см. хотя бы: Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. 13 (полutom 26). С. 714-715
20. Собр. соч. В.С. Соловьева. Т.10. С 203-204.
21. Там же. С. 206
22. Там же. С. 220
23. Свящ. С.М. Соловьев. Биография В.С. Соловьева. Вл. Соловьев. Стихотворения. М. 1921. С. 45. Можно сожалеть, что Соловьев-племянник не повторил этого важного свидетельства в своей большой книге о дяде (см. прим. II), написанной вскоре после 1921, но уже по переходе автора в католичество
24. Иеромонах Тарасий (Курганский). Перелом в древнерусском богословии. Монреаль 1979. С. 104-112. Сочинение защищено как кандидатское в 1900г.
25. P.N. Trempelas. Dogmatike tex orthodoxou Katholikes Ekklesias. Т. 2. Athenai 1979. S. 144-146.
26. Migne PG. t 145. col. 628-630.
27. Иером. Тарасий, там же. С. 107-112
28. По протоколу XIV в. Патриархи также не называли императоров сынами: Rhalles kai Potles. Syntagma ton theion kai hieron kanonon... Athenesin, t. 5, 1855 (1992). S. 504